

И.И. Кротт *

Ivan Krott *

**Вчерашняя окраина как место
прорыва: сельскохозяйственное
предпринимательство
Западной Сибири в конце XIX –
начале XX вв.**

**Yesterday's Outskirts as a
Breakthrough Place:
Agricultural Enterprise in
Western Siberia in the Late 19th –
Early 20th Century**

DOI: 10.31518/2618-9100-2018-2-2

УДК 9(57)+330.342

Выходные данные для цитирования:

Кротт И.И. Вчерашняя окраина как место прорыва: сельскохозяйственное предпринимательство Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Исторический курьер. 2018. № 2. Статья 2. URL: <http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-2-02.pdf>

DOI: 10.31518/2618-9100-2018-2-2

How to cite:

Krott Ivan I. Yesterday's outskirts as a breakthrough place: agricultural enterprise in Western Siberia in the late 19th – early 20th century // Historical courier, 2018, # 2. Article 2. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-2-02.pdf>

Abstract: The article is based on archival and published sources, discusses the formation and development of agricultural entrepreneurship in Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries, which became one of the markers of changing socio-spatial structures of the Russian empire after the construction of the Siberian railway. The author concludes that Siberia, as the "yesterday's" outskirts, became a "modern place".

The turn to economic activity caused by the construction of the Trans-Siberian Railway and "demographic engineering" changed the daily life, behavior strategies of the representatives of the rural community of the region. Shopping, sales of various goods, the use of modern technology, became commonplace in the lives of rural residents of Siberia, who were in new conditions drawn into economic activity. It is also indicated that the new community of "rural" entrepreneurs acted in the region as a "market enzyme" changing the Siberian society, it was an "agent" of the socio-economic and cultural modernization of the Siberian space. At the same time, agricultural entrepreneurship itself experienced a powerful external influence from the host society. Rural entrepreneurs at the beginning of the 20th century played a significant role in the production and processing of agricultural products in the region; they were characterized by norms of behavior (ideas), economic strategies that differed from those existing within the culture of the pre-railway Siberian society.

Keywords: Siberian Railway, Trans-Siberian Railway, rural business enterprises, agricultural entrepreneurship, Western Siberia, the image of Siberia, the Siberian margin, agricultural colonization, modernization, socio-cultural changes, commercialization of the local community, rationalization of agriculture, agriculture, animal husbandry, agricultural machinery and tools, technological innovations.

The article has been received by the editor on 21.09.2018.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация: В статье на основе архивных и опубликованных источников рассматриваются вопросы формирования и развития сельскохозяйственного

* Кротт Иван Иванович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Омского государственного педагогического университета (Россия), e-mail: ivkrott@mail.ru

Krott Ivan Ivanovich, candidate of historical sciences, assistant professor, head of the Department of National History of Omsk State Pedagogical University (Russia), e-mail: ivkrott@mail.ru

предпринимательства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв., которое стало одним из маркеров изменений социально-пространственных структур империи после строительства Сибирской железной дороги. Автором делается вывод о том, что Сибирь, как «вчерашняя» окраина, стала «местом модерна».

Поворот к экономической активности, вызванный сооружением Транссибирской магистрали и «демографической инженерией», изменил повседневную жизнь, стратегии поведения представителей сельского сообщества региона. Покупки, продажи различных товаров, использование новейшей техники стали обычным явлением в жизни сельских жителей Сибири, которые в новых условиях втягивались в экономическую деятельность. При этом указывается, что новое сообщество «сельских» предпринимателей выступало в регионе в качестве «рыночного фермента», меняющего сибирское общество, оно было «агентом» социально-экономической, культурной модернизации сибирского пространства. В то же время сельскохозяйственное предпринимательство само испытывало мощнейшее внешнее воздействие со стороны принимающего социума. Сельские предприниматели в начале XX в. играли заметную роль в производстве и переработке сельскохозяйственной продукции в регионе, для них были характерны нормы поведения (идеи), хозяйственные стратегии, отличные от существовавших в рамках культуры «дожелезнодорожного» сибирского общества.

Ключевые слова: Сибирская железная дорога; Транссибирская железнодорожная магистраль; сельские предпринимательские хозяйства; сельскохозяйственное предпринимательство; Западная Сибирь; образ Сибири; сибирская окраина; аграрная колонизация; модернизация; социокультурные изменения; коммерциализация локального сообщества; рационализация сельского хозяйства; земледелие; животноводство; сельскохозяйственные машины и орудия; технологические новшества.

В социально-экономической жизни России, ее хозяйственном и общественном развитии всегда важную роль играли «окраины». Рубеж XIX–XX вв. для Западной Сибири был временем структурных перемен. Наиболее ярко отразившись в области промышленности, торговли, развития кредитной системы, они глубоко затронули и сельское хозяйство. Общим знаменателем этих модернизационных изменений был процесс развития капиталистических отношений, специализация производства, «включение» местного хозяйства в систему всероссийских и европейских рыночных отношений и структур.

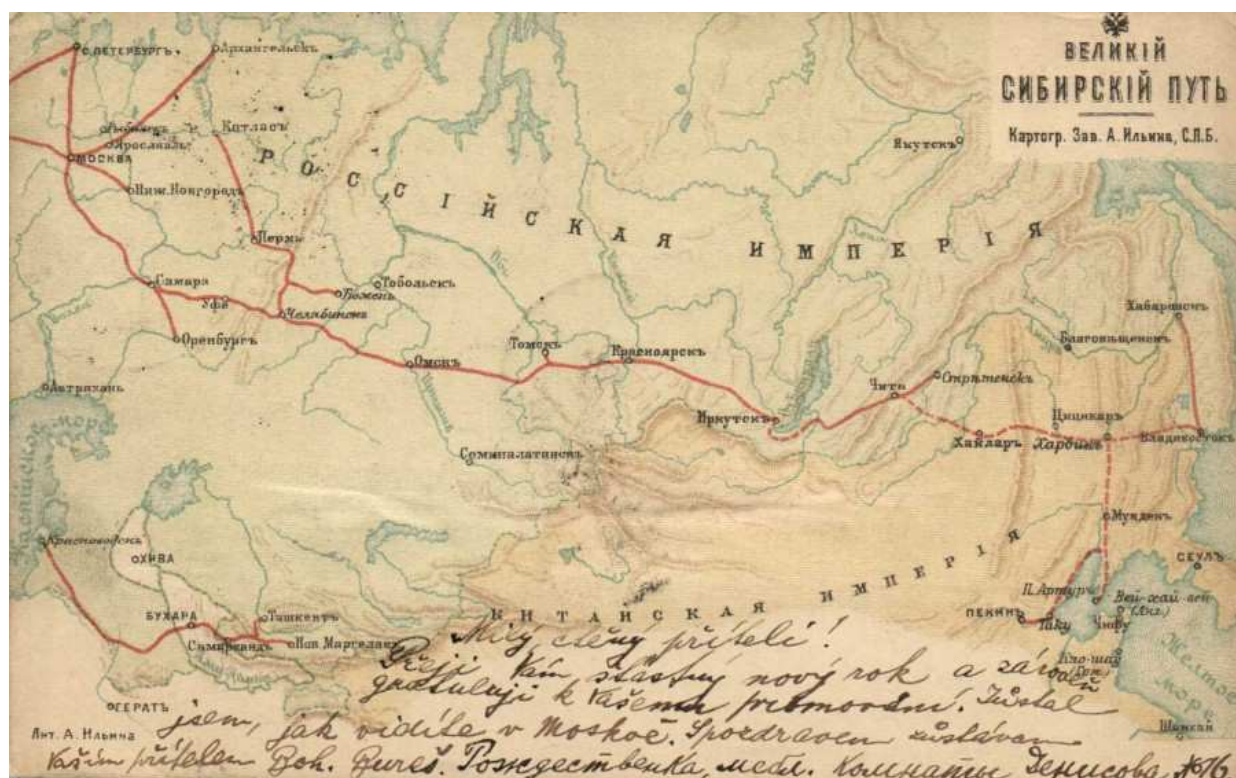
Проведение Сибирской железной дороги и массовая аграрная колонизация «открыли» регион для капитализма, создав Сибири репутацию «новой Америки». Усовершенствование инфраструктуры, благоприятная рыночная конъюнктура – все это в немалой степени способствовало развитию деловой активности населения как имперского «центра», так и локального сообщества. «Экономическая жизнь Сибири зародилась только с проведения железной дороги, то есть всего лет пятнадцать назад, – подчеркивал в 1911 г. на омском съезде деятелей по сельскому хозяйству купец первой гильдии, местный заводчик С.В. Хабарев. – Под гнетом экономических условий более энергичные элементы разных категорий ринулись сразу в неведомый край, без всякого знакомства с ним, при крайне ограниченном материальном благосостоянии. С первым положением энергичным людям в богатом крае справиться было не трудно, за что ни возьмись – работать можно с выгодой...»¹.

Транссибирская магистраль сделала Сибирь «интересной», о ней стали писать как иностранцы, в частности англичанин Г. де Виндт, американец Д.Ф. Фразер, канадец К. Оланьон, немец А. Глейнер², так и русская журнальная пресса³.

¹ Журналы заседаний съезда деятелей сельского хозяйства 1–12 августа 1911 г. в г. Омске. Омск, 1912. С.81–82.

² De Windt H. Siberia as it is. London, 1892; Frazer J.F. The real Siberia together with an account of Dash though Manchuria. London, 1904; Оланьон Кл. Сибирь и ее будущее. СПб., 1903; Глейнер А. Сибирь – Америка будущего. По сочинению Джона Фостера Фразера. Киев, 1906.

³ Подробнее см.: Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2006.

Карта Великого Сибирского пути. Рубеж XIX–XX вв.

Издаваемые за рубежом, прежде всего в Европе, записки путешественников, воспоминания деловых людей и другие подобного рода источники транслировали на своих страницах устоявшийся образ Сибири, для которого были характерны «необъятные пространства», «суровая природа», «плохие дороги», «похожие на большие деревни сибирские города», «архаика» в организации своего дела и торговли.

Отметим, что и в самой России, до строительства железной дороги, а в некоторых случаях и в более поздний период, общественно-политической и деловой элитой создавался образ Сибири как территории «малоизвестной», как края «чиновничьего произвола», особо тиражировался образ Сибири как «места каторги и изгнания». Но со временем в общественном мнении стал утверждаться взгляд на Сибирь как на «богатейший регион», территорию, дающую возможность повысить свой социальный статус, улучшить материальное благосостояние. «Есть убеждение, что Сибирь, хоть страна и холодная, но зато богатая, – указывалось в публикации «Русского вестника» о Сибири в 1863 г., – что это наше русское Эльдorado, где смелого искателя ждет и счастье, и богатство»¹.

По мнению Н.Н. Родигиной, в 1850 – начале 1880-х гг. «спящая Сибирь» номинировалась общественным, прежде всего консервативным публицистическим дискурсом, как ресурсная кладовая, имперский резерв не только в экономическом смысле, но и в социально-политическом².

О перспективах коммерческого освоения региона в «дожелезнодорожный» период писали и иностранные наблюдатели. В 1880 г. копенгагенское купечество отправило двух своих членов, камер-юнкера Г. Тегнера и капитана артиллерии К. Гаге, в длительную поездку по Западной Сибири для ознакомления с особенностями сибирских рынков³. За время своей поездки датчане посетили Тюмень, Омск, Томск, Барнаул, Семипалатинск и Тобольск,

¹ Золотилов К. Сибирская тайга // Русский вестник. 1863. №1. С. 313.

² Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе... С. 124.

³ Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф. 132. Оп. 4. Д. 29. Л. 47.

откуда Тегнер возвратился в Данию, а Гаге отправился в Самарово, Березов, Обдорск и далее по Оби до мыса Ям-Сале.

По результатам экспедиции в Западную Сибирь, Г. Тегнер и К. Гаге опубликовали книгу «Об условиях торгового сношения Европы с Западной Сибирью» (Галле, 1881)¹. Кроме того, их отчет о поездке в «далекий край» был перепечатан рядом региональных периодических изданий².

Отметив, что регион «обладает огромными источниками богатств», датчане писали о примитивной организации сибирской торговли, недостаточной степени образованности и деловой порядочности местного купечества³. В итоге авторы констатировали, что «громадные естественные богатства ее (Сибири – И.К.) ждут только труда и предприимчивости для достаточной их эксплуатации», рекомендовали осваивать северный морской путь. «Нет никакого сомнения, что в Сибири весьма можно нажиться. Но это – не такая страна, где бы деньги, так сказать, валялись на улице <...>. Разбогатеть в Сибири можно только тому, кто имеет не только охоту трудиться, но и большую предприимчивость против той, какая существует там»⁴. Главным препятствием в организации дела в Сибири датчане выставляли транспортную доступность региона⁵.

Мост через Иртыш на почтовой открытке начала XX в.

Интерес иностранных деловых кругов к Сибири в этот период, безусловно, актуализировался сообщениями о возможном строительстве Транссибирской магистрали, полемике вокруг этого вопроса в высших правительственных и экспертных кругах империи.

Изменение места Сибири в имперских управленческих стратегиях в 1880-х – начале 1890-х гг., обсуждение основ переселенческого дела, дебаты о строительстве железной дороги обусловили новый всплеск интереса к региону, обсуждения его актуальных проблем. Так, в 1888 г. обозреватель «Русского вестника» утверждал, что строительство железной дороги

¹ Гаге К., Тегнер Г. Об условиях торгового сношения Европы с Западной Сибирью. (Сочинение К. Гаге и Г. Тегнера, по переводу с датского языка на немецкий Р. Лемана). Галле, 1881.

² Сибирь. 1881. № 11. С. 5-6; Тобольские губернские ведомости. 1881. № 10. С. 5; № 25. С. 4-5.

³ Гаге К., Тегнер Г. Об условиях торгового сношения Европы с Западной Сибирью. (Сочинение К. Гаге и Г. Тегнера, по переводу с датского языка на немецкий Р. Лемана). Галле, 1881. С. 11, 13, 15.

⁴ Там же. С. 31, 32.

⁵ Там же. С. 34; ГААК. Ф. 132. Оп. 4. Д. 29. Л. 47.

пробудит от «невольной спячки» производительные силы края и даст толчок «началу общественности»¹. Чуть позже, редакция «Русского вестника» уже констатировала, что «цель существования этого пути заключается <...> в том, чтобы дать самой Сибири возможность выйти из экономического застоя и поставить эту обширную страну, богато одаренную природой, но лишенную путей сообщения, в те же условия, в которых находится Европейская Россия»².

Следует заметить, что с конца 1880 – начала 1890-х гг. Сибирь стала одним из приоритетных объектов публицистического дискурса, активно использующего, по утверждению Н.Н. Родигиной, метафору «пробуждение ото сна»³.

6 ноября 1892 г., после одобрения императором рельсового пути от Челябинска до Владивостока, С.Ю. Витте представил Александру III свое видение трансконтинентального железнодорожного сообщения как средства территориальной интеграции и социально-экономического преобразования восточной половины империи. Витте был убежден, что запланированная железная дорога даст Сибири «могущественный толчок», он приписывал ей функцию «артерии», которая пробудит к жизни «спящие части» национального тела⁴.

Пассажирский вокзал в г. Омске (конец XIX в.)

Выше мы уже писали о том, что дебаты об инфраструктурных изменениях на востоке империи в последней трети XIX столетия шли в тесной связи с переосмыслением образа/места Сибири в сознании российской элиты: от «царства холода», «места каторги и ссылки», «богатейшего, но экономически отсталого региона» до, как указывает Ф.Б. Шенк,

¹ Внутреннее обозрение // Русский вестник. 1888. № 9. С. 388.

² Внутреннее обозрение // Русский вестник. 1890. № 11. С. 346.

³ Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе... С. 124.

⁴ Витте С.Ю. Всеподданнейший доклад управляющего Министерством финансов о способах сооружения Великого Сибирского железнодорожного пути и о назначении совещания для обсуждения сего дела. 6 ноября 1892 г. // Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 1., кн. 2, ч. 1. М., 2004. С. 159-183.

«подлинной части национальной территории и переливавшегося разными цветами пространства будущего»¹.

Не преследуя цели дать детальную характеристику дискурса о роли и значении Сибирской железной дороги в правительственных, деловых, экспертных и общественных кругах имперского общества отметим, что возможная модернизация путей сообщения в Сибири сталкивалась с далеко не единодушным одобрением современников. В то время как одни видели в железной дороге средство для ускорения интеграции империи в единое политическое и экономическое пространства, другие говорили о возможных негативных социальных и политических последствиях этого действия. При этом сторонники/ противники инфраструктурной модернизации Сибири были едины в том, что использование этого нового средства сообщения в длительной перспективе приведет к глубокой трансформации существующих как в «центре», так и в регионе не только экономических, а прежде всего, социально-пространственных структур².

С постройкой Сибирской железной дороги и присоединением «баснословного пространства» открылась новая страница в развитии региона. Сама железная дорога с ее парком локомотивов и вагонов, сетью вокзалов и складских помещений, депо и ремонтных мастерских явилась совершенно новой отраслью производства в экономике локального пространства.

Транссибирская магистраль способствовала росту переселенческого движения и хозяйственному освоению края, возросли темпы его колонизации. Как следствие этого расширялись границы расселения, возникали новые населенные пункты, начался сравнительно быстрый рост посевных площадей и поголовья скота. Вдоль линии железной дороги, особенно в западных и центральных областях Сибири, протянулась обширная полоса наиболее активной экономической жизни, простиравшаяся примерно на 200 верст по обе стороны дороги. С сооружением Сибирской магистрали увеличивалось количество городов вдоль железнодорожной полосы, повысилось их значение как торгово-транспортных пунктов. Сибирская железная дорога расширила возможности сбыта местной продукции и способствовала ввозу машин и промышленных изделий.

«Преображение Сибири» проявилось не столько в промышленном развитии, для которого недоставало ряда условий, сколько в разложении традиционных социально-экономических, социокультурных устоев, обыденного сознания и поведения человека. Одновременно с этим происходил процесс становления и развития нового уклада, формирования новых моделей и практик поведения. Железная дорога «все перевернула», появились «новые» люди, знания, промыслы, «новые» капиталы. Сибирь стала территорией, где явления экстенсивного, традиционного сосуществовали с явлениями интенсивного, рационального порядка, которые легко «укоренялись» в экономической, шире – социокультурной действительности, что объясняется, главным образом, быстрым развитием в регионе «железнодорожной эпохи» новых социально-пространственных структур.

В связи с этим в центре нашего внимания находится вопрос формирования и развития сельскохозяйственного предпринимательства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв., которое стало одним из маркеров изменений и/или возникновения новых форм социально-пространственных структур, имевших место быть в результате строительства и использования Сибирской железной дороги.

Ввод в эксплуатацию Транссибирской магистрали, переселенческая политика правительства сделали доступными плодородные сибирские земли для миллионов российских крестьян. В общероссийском миграционном потоке, а по оценкам Стивена Дж.

¹ Шенк Ф.Б. Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. М., 2016. С. 93.

² Подробнее см.: Шенк Ф.Б. Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. М., 2016. 584 с.

Маркса «демографической инженерии широкого масштаба»¹, направлялись в Сибирь и сельскохозяйственные предприниматели, оставив свои хозяйства в Новороссии, Крыму и других районах Европейской России.

Железная дорога открывала сибирский регион для остальных районов империи двояко: крестьянство стремилось найти здесь массу плодородной земли и условия свободного хозяйствования на ней; сельские предприниматели – возможность организовать дело так, чтобы получать большую, нежели ранее, прибыль². В Сибирь сельскохозяйственных предпринимателей влекли, прежде всего, близость железной дороги и наличие непаханой земли, которую можно было купить или арендовать по «мизерным», в отличие от Европейской России, ценам³. Омская газета «Степной край» в 1905 г. по этому поводу писала следующее: «Практический ум этих предпринимателей сразу смекнул, что огромные площади нетронутой сибирской земли, не имеющей здесь настоящей ее ценности, вполне и без всякого риска, послужат самым наивернейшим залогом развития сельскохозяйственного дела, поставленного рационально и на капиталистических началах»⁴.

Формированию нового сообщества сельских предпринимателей в регионе и развитию их хозяйств способствовали наличие значительного земельного фонда (арендного и частновладельческого), относительно развитая инфраструктура экономического пространства (состояние транспортной системы, торговли, коммерческого кредита, рынка наемной рабочей силы), содействие со стороны местных органов власти и управления⁵.

Основная масса предпринимательских хозяйств была образована в достаточно освоенных районах, поблизости от коммуникаций и рынков сбыта. Большинство из них находилось в Омском и Петропавловском уездах Акмолинской области; Тюкалинском, Ишимском, Ялуторовском, Курганском и Тарском уездах Тобольской губернии; Каинском уезде Томской губернии, а также в некоторых других районах Западной Сибири. Такой интерес сельскохозяйственных предпринимателей к этим территориям объяснялся тем, что это были районы с относительно благоприятными для ведения сельского хозяйства природно-климатическими условиями и развитой экономической инфраструктурой, особенно после строительства железной дороги.

Большинство предпринимателей были мигрантами из юго-восточных областей и губерний Европейской России – Таврической, Екатеринославской, Саратовской, Харьковской, Кубанской губерний и области Войска Донского⁶. Это обстоятельство связано с целым рядом причин. Во-первых, с недостатком земли и дороговизной аренды в местах выхода, понижавших рентабельность сельского хозяйства вообще и животноводства в частности. Во-вторых, в конце 90-х гг. XIX в. началось мощное вытеснение сельского населения из губерний Новороссии под влиянием развития там капиталистических отношений. Третьей причиной стало «открытие» Западной Сибири для предпринимательского освоения, что объяснялось, как мы уже указывали, постройкой Сибирской железной дороги, переселенческой политикой и изъятием «излишков» земель у аборигенного кочевого населения.

Страницы сибирской прессы рассматриваемого периода пестрят заметками, указывающими на широкое распространение в области аграрного производства «капиталов»,

¹ Marks S.G. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. L., 1991. P. 154.

² Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (далее – БУ ИСА). Ф. Р-209. Оп. Д. 742. Л. 8–9 об.; Ф. 67. Оп. 2. Д. 2408. Л. 8 об.; Д. 2855. Л. 68.

³ Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 157. ЛЛ. 48, 49.

⁴ Степной край. Омск, 1905. № 133. С. 3.

⁵ Кротт И.И. Формирование сельскохозяйственного предпринимательства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Проблемы экономической и социальной истории Сибири XVIII–XX вв. (Из истории предпринимательства). Сборник научных статей. Омск, 2006. Вып. 6. С. 99–118.

⁶ Зефилов Н. Крупные частновладельческие и арендаторские хозяйства в Акмолинской области. Омск, 1914. С. 2.

«знаний и предприимчивости». В источниках постоянно подчеркивается, что сельскими предпринимателями в регионе были «крупные сельские хозяева из пределов Европейской России», «вездесущие во всех русских степях тавричане, херсонцы и кубанцы – тип разбогатевших крестьян, подражающих во многом колонистам-немцам». При этом и сам «немецкий элемент» составлял значительный процент предпринимательского сообщества в аграрном секторе региона¹.

Газетная реклама начала XX в.

Указанные выше факты приводили к постепенному формированию со стороны сибирского общества в отношении сельских предпринимателей-мигрантов из европейской части империи бинарной пары: «мы – сибиряки» – «они, другие – несибиряки». В частности, фактор увеличения в регионе пришлого населения в начале XX столетия, безусловно, у сибиряков-крестьян вызывал чувство недовольства, стесненности и, соответственно, усиливал единство, защиту традиций и своего «Мы». В этом отношении очень показательны рассуждения А. Невесова, опубликованные на страницах популярного в регионе журнала «Сельскохозяйственная жизнь». В статье «Перелом» автором подчеркивалось: «Исключительное время переживает теперь Прииртышская степь. ... Казалось, непробудным сном спала наша степь... Жизнь шла стороной. Но вот, сначала в одиночку, а потом все чаще и чаще, стали заглядывать искатели счастья и хлеба. Старожилы с любопытством смотрели на них и даже были рады: все же лишний покупатель на те продукты, выхода которым не было, все же лишний новый человек. Но не долго покупали пришельцы. В короткий срок они осели, окрепли и сами повезли на рынок те же самые продукты, только в большем количестве и лучшего качества. Конкуренция! Страшное слово, могучее слово, оно не было еще знакомо здесь, в степи.

Жилось подчас и голодно, подчас и по-звериному, но жилось привольно. Никто не кому не мешал.

Но то были передовые отряды великой армии. В первую очередь шли люди состоятельные, не зависимые.

А когда вслед за ними едва намеченной дорогой неудержимо хлынул поток российского крестьянства, когда этот безземельный серый люд в какой-нибудь десяток лет заполнил все ковыльные просторы, – старожил очутился в тисках. В начале он не мог даже отдать себе отчета во всем, что происходит вокруг, и лишь теперь стал разбираться в сложной механике событий. Он и не заметил, как попал в стремительный водоворот и, пока он подводил итоги, жизнь ушла далеко, она вылилась в новые формы. И горе ему, если он хотя бы на шаг отстанет от нее. А не легко ему угнаться: не привык он к торопливости и шуму...»².

¹ Степной край. Омск, 1905. № 133. С. 3; Степной край. Омск, 1905. № 136. С. 2-3; Сибирское слово. Томск, 1911. № 151. С. 2.

² Невесов А. Перелом // Сельскохозяйственная жизнь. Омск, 1914. №2. С. 4-8.

Обратим внимание на выражения «конкуренция», «жило^{сь} привольно», отражающие недовольство происходящими процессами в сибирском обществе.

Подобные поведенческие практики представителей локального сообщества могут быть объяснены тем, что со строительством железной дороги в Сибири возникли социально-пространственные структуры, способствовавшие тому, что между собой столкнулись люди различного «происхождения». Современная гуманитаристика рассматривает конфликт как обострение противоречий между старыми нормами жизни, ценностями, стратегиями поведения и новыми ментальными представлениями людей, распространяющимися на все сферы жизни. При этом отмечается, что в локальном, замкнутом обществе, а сибирское общество до строительства железной дороги и массовых аграрных миграций было именно таковым, конфликт возникает как следствие нарушения традиций, как наказание за нововведения. В тесном мире традиционного сообщества нет места для «чужих». Но как только «чужой» появляется, конфликт неизбежен, так как «пришелец» представляет опасность. Он воспринимается как причина конфликта, как разрушитель социальной действительности, то есть установленного порядка. Характерное для традиционализма «монохромное» видение мира позволяет рассматривать в качестве «чужака» любого, кто так или иначе отличается от принятого стандарта поведения или мышления¹. «Пришлые» в Сибирь сельские предприниматели из Европейской России играли как раз роль таких «чужаков», которые своей деятельностью непосредственно изменяли социальную реальность в регионе, сибирскую повседневность в целом.

При этом отметим, что у предпринимателей в аграрной сфере этап переселения явно сопровождался кризисом идентичности данной социальной группы. Подобные сообщества, возникшие на основе миграционных процессов, демонстрировали особый набор отличающих их социотипических черт. Ядром данной социальной модели являлся переселенец, по определению несущий в своем сознании черты дуализма. Идентифицируя себя с российской общностью, конкретизировавшейся в сознании до определенного культурного поля, откуда вышел каждый предприниматель-переселенец, в тоже время он, с той или иной долей уверенности, начинал со временем ассоциировать себя с неким региональным сообществом – «мы – сибиряки». Процесс перестройки сознания на «мы – сибиряки» был сложным и многоуровневым. Кроме того, возможно предположить наличие кризиса и общей идентичности, связанного с трансформацией сибирского общества в результате модернизации в конце XIX – начале XX вв.

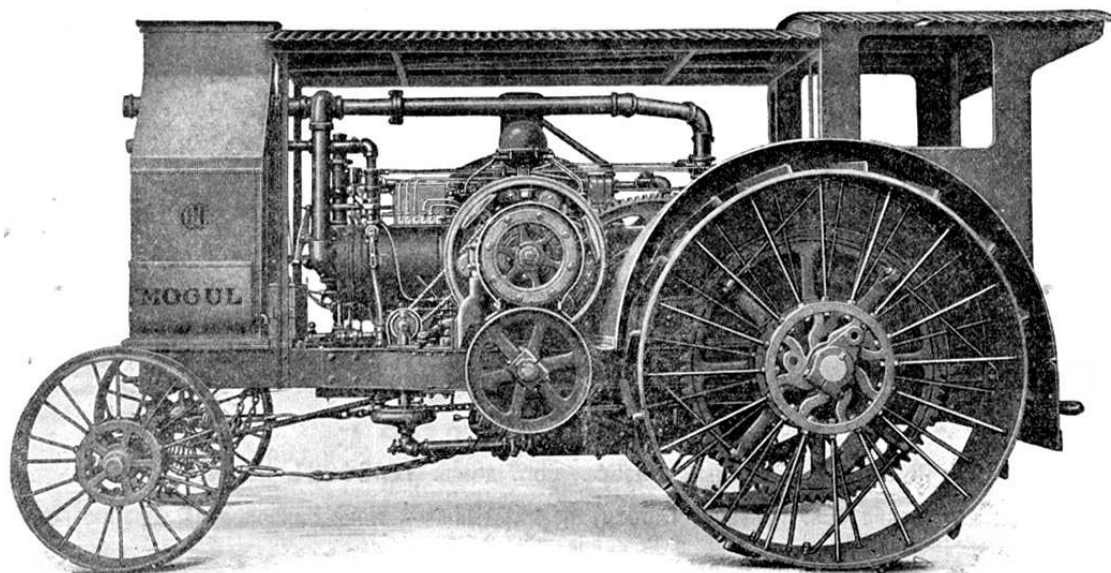
Поворот к экономической активности, вызванный сооружением Транссибирской магистрали, изменил повседневную жизнь, стратегии поведения представителей сельского локального сообщества. «Хозяйство натуральное уступило место хозяйству денежному, – свидетельствовал один из корреспондентов омской газеты «Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства» (1913 г.), – Жизнь стала напряженнее, живее и интенсивнее. Потребности увеличились»². Покупки, продажи различных товаров стали обычным явлением в жизни сельских жителей, которые в новых условиях втягивались в экономическую деятельность. Определенным образом поменялся характер труда земледельца и животновода. Теперь он был сопряжен с покупкой сортовых семян, усовершенствованных сельскохозяйственных машин и сепараторов. Произошло усиление отраслевой специализации хозяйств, что особенно было заметно у сельского населения, занимающегося маслоделием³.

¹ Макарьева Н.В. Формирование образа конфликта в традиционном менталитете // Социальные конфликты в истории России. Материалы Второй Всероссийской научной конференции. Омск, 30 ноября 2006 г. Омск, 2006. С. 17-19.

² Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства. Омск, 1913. № 1. С. 5.

³ Головачев П. М. Экономическая география Сибири. М., 1914. С. 122; Боголепов М. И. Торговля Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 179; Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск, 1975. и др.

ТРАКТОРЫ „ТИТАНЪ“ И „МОГУЛЬ“
(ДВИГАТЕЛИ-САМОХОДЫ)
ПРОИЗВОДСТВА
ЗАВОДА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОМПАНИИ ЖАТВЕННЫХЪ МАШИНЪ

СБЕРЕГАЮТЪ ТРУДЪ, ВРЕМЯ и ДЕНЬГИ.

ПРИМѢНЯЮТСЯ
ПРИ ПАХОТѢ, СѢЯНІИ, УБОРКѢ ХЛѢБОВЪ и МОЛОТБѢ.

—♦♦—
ПРАКТИЧНЫ ДЛЯ ИМѢНІЙ ВЪ 100 и БОЛЬШЕ ДЕСЯТИНЪ.

—♦♦♦—
НАДЕЖНОСТЬ ТРАКТОРОВЪ ГАРАНТИРУЕТСЯ
МЕЖДУНАРОДНОЙ КОМПАНИЕЙ ЖАТВЕННЫХЪ МАШИНЪ

Газетная реклама начала XX в.

Предпринимательские хозяйства региона по своей структуре делились на две группы. Первая – меньшая по количеству хозяйств, но большая по площади используемых земель – носила чисто капиталистический, предпринимательский характер. Вторая группа была представлена фермерскими хозяйствами, где наряду с наемными рабочими в производственном процессе принимали активное участие и все члены семьи владельца. Так, анкетное обследование предпринимательских хозяйств Акмолинской области в 1912 г. установило, что средний размер хозяйств первой группы колебался в пределах 5–6 тыс. дес., достигая в некоторых случаях 15–17 тыс. дес. земли. При этом данные земельные угодья находились, как правило, в арендном пользовании владельцев. Хозяйства второй группы были более мелкими по площади, в среднем 600–800 дес., но земля находилась в собственности¹.

¹ ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 157. ЛЛ. 48, 49.

Значительная часть предпринимательских хозяйств Западной Сибири специализировалась на производстве продукции растениеводства, то есть выращивании товарного зерна¹. Решающим условием отраслевой специализации являлась конъюнктура рынка. В начале XX в. наблюдался рост объемов вывоза хлеба из Сибири с 16 924 тыс. п. в 1900–1904 гг. до 61 435 тыс. п. в 1913–1914 гг. (прирост составил 263 %), что свидетельствовало о росте платежеспособного спроса². На хлебном внутрисибирском и российском рынках также происходил рост цен на зерновые культуры³. Поэтому рост посевных площадей в хозяйствах сельских предпринимателей происходил в условиях благоприятной рыночной конъюнктуры и отчасти был обусловлен ею.

Сельскохозяйственные предприниматели располагали большими возможностями для постановки системы полеводства. Для освоения новых земель они имели денежные средства, необходимые машины и рабочий скот. Качество семян у них было лучше, а условий для введения агротехнических новшеств – больше. Поэтому не удивительно, что урожайность в предпринимательских хозяйствах была на порядок выше⁴.

Увеличение посевных площадей и высокие урожаи в предпринимательских хозяйствах достигались, в том числе, за счет комплексных агротехнических мероприятий и улучшенной системы полеводства. Так, в большинстве предпринимательских хозяйств Западной Сибири применялась улучшенная залежно-паровая система полеводства с паровым и травяным клином⁵. В некоторых хозяйствах использовались трехпольная и даже четырехпольная технологические системы⁶. Сельскохозяйственные предприниматели уделяли внимание и удобрению полей, что являлось «необходимым условием правильного хозяйства» и способствовало высоким и стабильным урожаям⁷.

Рост посевных площадей в Западной Сибири приводил к тому, что на региональном рынке был определен дефицит высококачественного семенного материала. Такая ситуация делала данное направление растениеводства достаточно прибыльным делом. Поэтому некоторые сельские предприниматели занимались семеноводством. Семенные хозяйства Л. Д. Смолина, И. М. Карзина, Ф. Ф. Штумпфа вели размножение сортовых семян, ввозимых из Европейской России, и распространяли их в различные регионы⁸.

Одним из главных показателей прогрессивных изменений в системе полеводства предпринимательских хозяйств, происходивших по мере развития капиталистических отношений, было применение машин. Сельские предприниматели использовали для обработки земли в своих хозяйствах технологически новейшую технику – «двигателя-самоходы», так в начале XX столетия называли трактора.

¹ Зефилов Н. Указ. соч. С. 6.

² Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX). Новосибирск, 1967. С. 386.

³ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и некоторых иностранных государств. Год шестой. СПб., 1913. С. 456–457; Сборник статистико-экономических сведений... Год десятый. Пг., 1917. С. 482–483. Цены даны на весну, подсчитано автором.

⁴ Сельское хозяйство России в XX веке: сб. статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. / под ред. Н. П. Огановского М., 1923. С. 146–147; Сборник статистико-экономических сведений... Год десятый. С. 79.

⁵ Земля для коневодства и скотоводства в Азиатской России. СПб., 1913. С. 83–84, 97–98, 106–107, 116–117.

⁶ Бюджетное учреждение Исторический архив Омской области (далее – БУ Иса). Ф. 67. Оп. 2. Д. 2659. Л. 27; Д. 2798. Л. 6; Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив г. Тобольска» (далее – ГУТО ГАТ). Ф. 479. Оп. 5. Д. 6. Л. 1 об.

⁷ ГУТО ГАТ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 56. Л. 973; Журналы заседаний съезда деятелей сельского хозяйства 1–12 августа 1911 года в г. Омске. Омск, 1912. С. 2; Сибирское сельское хозяйство. Сельскохозяйственный и кооперативный журнал (Томск). 1916. 15–16 авг. С. 297–298.

⁸ ГУТО ГАТ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–9; БУ Иса. Ф. 119. Оп. 1. Д. 35; Ф. 67. Оп. 2. Д. 2532. Л. 19–20 об.; Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1937. Т. IV. Стб. 834; Гешеле Э. Э. Очерки развития сибирского земледелия. Омск, 1957. С. 60–61.

Первый американский колёсный трактор Харт-Парр-3060 («Hart-Parr») проходит испытания на полях Омской машиноиспытательной станции. 1914 г.

В 1912 г. в Омском уезде Акмолинской области было пущено в работу 3 шестидесятисильных керосиновых трактора Международной компании жатвенных машин – в предпринимательских хозяйствах Ф. Ф. Штумпфа, братьев Г. И. и Я. И. Шварц, И. Ф. Лобачева¹. Еще один трактор той же фирмы находился в ведении Главной конторы сельскохозяйственных складов в г. Омске и использовался для распашки земли переселенцам². Два трактора действовали в хозяйствах Я. И. Романенко и С. Е. Остринина³.

Обращает на себя внимание то, что в предпринимательских хозяйствах на сельскохозяйственные машины могла приходиться солидная доля общих капиталовложений. Так, по данным обследования хозяйства Я. И. Романенко (Омский уезд, Акмолинской области), из общей стоимости построек, мертвого и живого инвентаря в 93,7 тыс. р. – 35,0 тыс. р. (37,4 %) приходилось на разнообразный сельскохозяйственный инвентарь (многокорпусные плуги, кольчатые катки, бороны, сеялки, паровые молотилки, сортировки)⁴. У братьев Г. И. и Я. И. Шварц (Омский уезд, Акмолинской области) доля сельскохозяйственной техники, от общей стоимости хозяйства в 55 тыс. р., составляла 20 тыс. р. (36,3 %)⁵.

¹ БУ Иса. Ф. 78. Оп. 1. Д. 110. Л. 14, 123; Ф. 209. Оп. 1. Д. 811. Л. 2; Бобров И. М. Тракторы и применение их в некоторых хозяйствах Омского района // Сельскохозяйственный сборник. Омск, 1913. С. 73.

² БУ Иса. Ф. 78. Оп. 1. Д. 110. Л. 31, 22–23, 369 об.; Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 391. Оп. 5. Д. 1097. Л. 6.

³ БУ Иса. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 731. Л. 54 об.; Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России. С. 117.

⁴ БУ Иса. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2576. Л. 16 об. – 20 об. Подсчитано автором.

⁵ Там же. Д. 2092. Л. 74, 78; Д. 2659. Л. 2–4, 22–25 об. Данные на 1911 г., когда трактора у предпринимателей еще не было.

Трактор Международной компании жатвенных машин (США)
в работе с многокорпусным плугом. Омск, начало XX в.

Таким образом, большинство предпринимательских хозяйств были великолепно оснащены разнообразной современной сельскохозяйственной техникой, тогда как в крестьянских хозяйствах, по мнению Л. М. Горюшкина, «основной двигательной силой... оставалась лошадь, главным “механизмом” – рабочие руки»¹.

При достаточном количестве сельскохозяйственных машин предприниматели Западной Сибири нанимали в свои хозяйства в летний период от 100 до 200, а в некоторых случаях до 300 рабочих². При найме рабочих предприниматели предпочтение отдавали помесечной форме, затем следовали поденная, сдельная и годовая соответственно³.

Сравнительно благоприятные в Сибири природные условия, небольшая плотность населения, спрос на продукты скотоводства, при широких возможностях транспортировки по железной дороге, послужили толчком к развитию животноводства в хозяйствах сельских предпринимателей⁴. При этом в изучаемый период основной проблемой сибирского животноводства являлась проблема улучшения местного скота, так как последний «при всех своих ценных качествах и выносливости» был малопродуктивен⁵. В связи с этим необходимо отметить, что улучшение могло быть достигнуто несколькими путями. Первый способ – это «приливание местному скоту иностранных кровей», или метизация. Часто прибегали и ко второму способу – к «улучшению скота в самом себе», или селекции⁶.

¹ Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков... С. 240.

² Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России. С. 72, 83, 88, 98, 102, 106, 111, 117, 122, 129, 132, 138, 143–144, 150.

³ Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России. С. 72, 82, 88, 98, 102, 106, 111, 117, 122, 129, 133, 143.

⁴ Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России. С. 70–153, 209–225; Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1914–1915 гг. Пг., 1915. Отд. 3. С. 3–8, 103–104, 108, 212–215; Обзор Акмолинской области за 1905 год. Омск, 1906. С. 28.

⁵ Труды Омского Отдела Императорского Московского Общества Сельского Хозяйства. Омск, 1902. Вып. 1. С. 47.

⁶ Сельскохозяйственная жизнь (Омск). 1914. № 6. С. 6.

Сельскохозяйственные предприниматели в Западной Сибири уделяли внимание обоим способам, но предпочтение отдавали метизации. Это объясняется тем, что последняя, хоть и являлась более затратным способом улучшения местной породы, давала результаты быстрее, чем селекция, а следовательно, быстрее компенсировались произведенные расходы¹. Следует отметить, что в разведении рогатого скота сельскохозяйственные предприниматели в основном придерживались мясо-рабочего направления, реже – мясо-молочного и чисто рабочего².

В изучаемый период в регионе произошли существенные изменения и в технологиях содержания скота. Это проявилось в том, что в начале XX в. распадается единый тип кормопроизводства и кормления скота. Вместо него появляются разные системы выращивания молодняка и разные типы кормления и содержания взрослого скота. При этом у значительной части крестьян происходило ухудшение кормового режима сельскохозяйственных животных: при кормлении скота сено заменялось соломой, у телят – цельное молоко – обратом. С другой стороны, в предпринимательских хозяйствах наблюдалось обратное явление. Вместо однообразного кормления скота одними грубыми кормами вводился смешанный рацион при общем улучшении кормления и содержания всех групп скота. Обычным становилось использование концентратов, в рацион начали включать корнеплоды и картофель, для скота строились теплые помещения, организовывался водопой животных на скотном дворе³.

Сельскохозяйственные предприниматели активно способствовали развитию в регионе культурного овцеводства, которое стало проникать в Сибирь вместе с переселенческой волной, хлынувшей после строительства Транссибирской магистрали⁴. Толчком к переселению овцеводов с юга России в Западную Сибирь послужили «сильное вздорожание там земельных угодий и отсутствие для ведения крупного овцеводства достаточной величины пастбищ»⁵.

Первоначальным районом распространения культурного овцеводства являлась полоса, примыкающая к Сибирской железной дороге между городами Омском и Петропавловском. Но со временем эта отрасль животноводства, разрастаясь, отходила от железной дороги вглубь степи и вверх по Иртышу, а также в Ишимский и Тюкалинский уезды Тобольской губернии⁶.

Пионером тонкорунного овцеводства в Западной Сибири был выходец из Таврической губернии Т. И. Колмаков⁷, в 1900 г. основавший свое хозяйство около г. Омска на купленной и арендованной земле. Осенью того же года Колмаковым были доставлены по железной дороге 300 овец, которые, благополучно перезимовав, показали предпринимателю

¹ Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России. С. 70–153, 209–225; Памятная книжка и адрес-календарь Акмолинской области на 1912 г. Омск, 1912. С. 255–256; Труды съезда деятелей по молочному хозяйству и скотоводству в г. Омске в 1904 г. Омск, 1906. С. 107–108; Омский телеграф. 1911. № 209. С. 2.

² Брусницын А. Ф. Молочное скотоводство Сибири. Новосибирск, 1930. С. 98, 102; БУ ИСА. Ф. 38. Оп. 1. Д. 106. Л. 1, 8; Д. 107. Л. 5, 9, 13, 24, 26.

³ Трошин И. П. История развития скотоводства Западной Сибири: труды. Новосибирск, 1969. Т. 35. С. 59; БУ ИСА. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2098. Л. 20, 33, 335 об. – 336, 339; Д. 2258. Л. 226; Д. 2099. Л. 366–369; ГУТО ГАТ. Ф. 580. Оп. 1. Д. 294. Л. 230–230 об., 237–237 об., 238–238 об., 243; Д. 297. Л. 14–17; Ф. 479. Оп. 5. Д. 6. Л. 3 об. – 4; Ф. 147. Оп. 1. Д. 17. Л. 13.

⁴ РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1097. Л. 30 об.; ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 157. Л. 48; Обзор Акмолинской области за 1905 год. Омск, 1906. С. 27; Памятная книжка и адрес-календарь Акмолинской области на 1912 г. Омск, 1912. С. 258.

⁵ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1700. Л. 20; Д. 260. Л. 2 об.; Васильев Н. С. Промышленные перспективы Томского района и г. Томска // Право и финансово-промышленная жизнь Сибири / под ред. Р. Л. Вейсман. Томск, 1915. Тетрадь 1. С. 53.

⁶ ГУТО ГАТ. Ф. 580. Оп. 1. Д. 238. Л. 5; Степной край (Омск). 1905. № 178. С. 2.

⁷ В источниках встречается и Т. И. Колмаков, и Т. Е. Колмаков, хотя речь идет об одном и том же человеке. Помимо инициалов, наблюдаются разночтения в написании фамилии – Колмыков. При этом Т. И. Колмаков встречается чаще, поэтому прием данное написание.

возможность ведения в крае тонкорунного овцеводства в широких масштабах¹. Его примеру последовали и некоторые другие овцеводы Крыма, Кубани и Дона: В. И. Сыромля, А. И. Даниленко, А. Ф. Гехтер, И. М. Левашов, Ф. М. Булгаков, Г. М. Попов, Я. И. Романенко, Г. И. Мазаев и др.² К 1905 г. в районе западного участка Сибирской железной дороги насчитывалось уже 15 овцеводческих хозяйств, причем данная отрасль животноводства в них имела промышленный характер³.

В целом разведение тонкорунных овец в Сибири было прибыльным делом. По подсчетам В. Женина, чистый доход от овцы в среднем на стадо, не считая стоимости приплода, был от 1 р. до 2 р. 50 к.⁴ В хозяйстве Т. И. Колмакова, учитывая расходы на аренду земли, уход и зимнее содержание, чистая прибыль на одну овцу составляла 2 р.⁵

Филипп Филиппович Штумпф (1864-1921). Фото начала XX в.

¹ Обзор Акмолинской области за 1905 год. Омск, 1906. С. 27; Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1907 год. Часть гражданская. Омск, 1908. С. 35.

² РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1097. Л. 30 об.; Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1907 год. Часть гражданская. С. 35.

³ Женин В. Тонкорунное овцеводство в Сибири // Нужды деревни. 1908. № 4. С. 6–8.

⁴ Женин В. Указ. соч. С. 8.

⁵ Обзор Акмолинской области за 1905 год. Омск, 1906. С. 28.

В крупных предпринимательских хозяйствах Западной Сибири важное место занимала и такая отрасль животноводства, как коневодство. Наиболее известными конезаводчиками в регионе были: Ф. М. Лебской, братья Г. П. и Д. П. Шевченко, Ф. Ф. Штумпф в Акмолинской области; братья А. Д. и С. Д. Кондратовы, П. А. Липатников, Д. И. Смолин в Тобольской губернии; И. Л. Фуксман и А. Г. Ушков в Томской губернии¹.

Основным направлением в конезаводстве являлось, с одной стороны, производство ремонтной лошади, соответствующей требованиям военного ведомства, с другой – выведение рабоче-упряжной лошади путем метизации местной породы².

В целом коневодство получило достаточно широкое развитие и распространение только в крупных предпринимательских хозяйствах Западной Сибири, имеющих для этого необходимые ресурсы.

В итоге, сельские предприниматели в первые десятилетия XX в. стали играть заметную роль в производстве и переработке сельскохозяйственной продукции в регионе. При этом особое значение имели так называемые «культурные хозяйства», сосредоточившие в себе последние достижения в области агрокультуры – лучшие сорта зерновых и технических культур, улучшенные породы животных, новейшую сельскохозяйственную технику. Кроме того, многие предприниматели самостоятельно производили научные опыты, направленные на интенсификацию производства³.

Обратим особое внимание на то обстоятельство, что новые приемы ведения хозяйства, технологическая модернизация производства являются наиболее яркими проявлениями экономического рационализма и инноваций – неотъемлемых качеств предпринимательства, формирование и развитие которого в регионе стало одним из маркеров изменений социально-пространственных структур империи. Культурное влияние, которое оказывало сельскохозяйственное предпринимательство Западной Сибири, проявлялось в распространении именно этих нововведений, организационно-хозяйственного новаторства среди местного населения.

Применительно к России позднеимперского периода следует учитывать, что проникновение и распространение инноваций осуществлялось в двух проекциях: «сверху в низ» и «от центра к периферии». В Сибири ситуация была еще более сложной в силу ее месторасположения. На рубеже XIX – XX вв. полоса вдоль Транссибирской магистрали, с одной стороны, сама испытывала влияние и была открыта для «европейских» инноваций, как из стран Западной Европы, или Америки, так и Европейкой России, с другой – сама стала своеобразным местным «центром» распространения нововведений в национальные районы, «медвежьи уголки» региона: тобольский север, киргизский край и др. В итоге именно данная территория играла роль своеобразного посредника, не только транслируя, но и трансформируя знания и технологии⁴. «Фронтир» как подвижная граница «встречи» разных моделей хозяйства, народов пришлых и коренных, продолжал существовать, но в условиях включения края в систему всероссийского и мирового рынков важной становится роль предпринимателей, так как именно они и продвигали «границу на окраины». При этом процесс восприятия «европейских» технологических и технических достижений в сибирском

¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 206. Л. 21–21 об.; ГУТО ГАТ. Ф. 580. Оп. 1. Д. 281. Л. 7–9; Ф. 417. Оп. 1. Д. 591. Л. 2, 4, 8, 16; Д. 592. Л. 3, 5, 9, 13; Д. 594. Л. 22; Д. 700. Л. 19; Ф. 342. Оп. 1. Д. 169. Л. 27–27 об.; БУ Иса. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 737. Л. 4 об., 7; Список частных конных заводов в России. СПб., 1904. С. 1150, 1156; Обзор Акмолинской области за 1914 г. Омск, 1915. С. 22–23.

² БУ Иса. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2463. Л. 9; Д. 2837. Л. 16–18; Труды сельскохозяйственного и кооперативного съезда 2–12 января 1916 г. в г. Омске. Омск, 1916. С. 668–670.

³ Земля для коневодства и скотоводства в Азиатской России. СПб., 1913. С. 70–153, 209–225; Зефилов Н. Крупные частновладельческие и арендаторские хозяйства в Акмолинской области. Омск, 1914. С. 2.

⁴ Киселев А.Г. О чертах «пионерства» сибирского предпринимательства рубежа XIX – XX веков // Актуальные вопросы историко-культурного и природного наследия Тарского Прииртышья / материалы V научно-практической конференции, посвященной памяти А.В. Ваганова. Тара, 2010. Т. 2. С. 32.

обществе имел ряд последовательных трансформаций: полное неприятие нововведений – соблазн ознакомления – прагматическое их использование.

Таким образом, процесс формирования сельскохозяйственного предпринимательства в Западной Сибири во многом был связан с новыми социально-пространственными отношениями в восточной части империи. Сибирский регион после постройки железной дороги и «демографической инженерии» представлял собой уникальное пространство – переселенческое сообщество, где социальные группы находились на разных этапах формирования и развития, существовали различные формы горизонтальной и вертикальной мобильности внутри данного социума¹. «Вчерашняя» окраина стала «местом» прорыва, «местом модерна». Омский журналист, отмечая эти моменты, писал: «Новые люди несут новые порядки. Они всегда оказываются энергичными, богаче опытом и знаниями старых хозяев и быстро становятся господами жизни»². Необходимо признать, что новое сообщество «сельских» предпринимателей выступало в регионе в качестве «рыночного фермента», меняющего сибирское общество, оно было «агентом» социально-экономической, культурной модернизации сибирского пространства. Но это сообщество и само испытывало мощнейшее внешнее воздействие со стороны принимающего социума.

Для предпринимателей в аграрной сфере были характерны нормы поведения и идеи, отличные от существующих в рамках культуры «дожелезнодорожного» сибирского общества. Этим переселенцам в Сибирь были свойственны новые, отличные от местных, ментальные представления и хозяйственные практики. Поэтому сельские предприниматели, «активировав» различные сценарии, начали «борьбу» за ценности и претензии на определенный социально-экономический, культурный статус, за недостаточные для всех материальные и духовные блага.

Статья поступила в редакцию 21.09.2018 г.

Литература

Бобров И. М. Тракторы и применение их в некоторых хозяйствах Омского района // Сельскохозяйственный сборник. Омск, 1913. С. 70-77.

Боголепов М. И. Торговля Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 169–200.

Брусницын А. Ф. Молочное скотоводство Сибири. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930. 336 с.

Витте С.Ю. Всеподданнейший доклад управляющего Министерством финансов о способах сооружения Великого Сибирского железнодорожного пути и о назначении совещания для обсуждения сего дела. 6 ноября 1892 г. // Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 1., кн. 2, ч. 1. М., 2004. С. 159-183.

Внутреннее обозрение // Русский вестник. 1888. № 9.

Гаге К., Тегнер Г. Об условиях торгового сношения Европы с Западной Сибирью. (Сочинение К. Гаге и Г. Тегнера, по переводу с датского языка на немецкий Р. Лемана). Галле, 1881. 35 с.

Гешеле Э. Э. Очерки развития сибирского земледелия. Омск: Обл. кн. изд-во, 1957. 107 с.

Глейнер А. Сибирь – Америка будущего. По сочинению Джона Фостера Фразера. Киев: Тип. Петра Барского, 1906. 60 с.

Головачев П. М. Экономическая география Сибири. М.: Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1914. 183 с.

Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1967. 412 с.

Женин В. Тонкорунное овцеводство в Сибири // Нужды деревни. 1908. № 4. С. 6–8.

¹ См.: Сибирь в составе Российской империи. М., 2007.

² Невесов А. Перелом // Сельскохозяйственная жизнь. Омск, 1914. № 2. С. 4–8.

Журналы заседаний съезда деятелей сельского хозяйства 1–12 августа 1911 г. в г. Омске. Омск, 1912.

Земля для коневодства и скотоводства в Азиатской России. СПб., 1913.

Зефилов Н. Крупные частновладельческие и арендаторские хозяйства в Акмолинской области. Омск, 1914.

Золотилов К. Сибирская тайга // Русский вестник. 1863. №1.

Киселев А.Г. О чертах «пионерства» сибирского предпринимательства рубежа XIX – XX веков // Актуальные вопросы историко-культурного и природного наследия Тарского Прииртышья / материалы V научно-практической конференции, посвященной памяти А.В. Ваганова. Тара, 2010. Т. 2. С. 31–34.

Кротт И.И. Сельскохозяйственное предпринимательство Западной Сибири в конце XIX – начале XX века. Омск: Изд. дом «Наука», 2009. 204 с.

Кротт И.И. Формирование сельскохозяйственного предпринимательства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Проблемы экономической и социальной истории Сибири XVIII–XX вв. (Из истории предпринимательства). Сборник научных статей. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. Вып. 6. С. 99–118.

Макарьева Н.В. Формирование образа конфликта в традиционном менталитете // Социальные конфликты в истории России. Материалы Второй Всероссийской научной конференции. Омск, 30 ноября 2006 г. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. С. 17-19.

Невесов А. Перелом // Сельскохозяйственная жизнь. Омск, 1914. №2. С. 4-8.

Обзор Акмолинской области за 1905 год. Омск, 1907. 71 с.

Оланьон Кл. Сибирь и ее будущее. СПб.: Просвещение, 1903. 253 с.

Памятная книжка и адрес-календарь Акмолинской области на 1912 г. Омск: Акмолин. обл. стат. ком., 1912. 146 с.

Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX - начала XX вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. 328 с.

Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX - начала XX века. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2006. 343 с.

Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и некоторых иностранных государств. Год шестой. СПб., 1913. 601 с.

Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и некоторых иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917. 674 с.

Сельское хозяйство России в XX веке: сб. статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. / под ред. Н. П. Огановского М.: Новая деревня, 1923. 340 с.

Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1937. Т. IV. 1082 с.

Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1914–1915 гг. Пг., 1915. 1597 с.

Сибирь в составе Российской империи. М.: НЛЮ, 2007. 368 с.

Список частных конных заводов в России. СПб.: Типо-лит. Ю.Я. Римана, 1904. 1279 с.

Трошин И. П. История развития скотоводства Западной Сибири: труды. Новосибирск, 1969. Т. 35. 208 с.

Труды Омского Отдела Императорского Московского Общества Сельского Хозяйства. Омск: Типогр. Окр. Штаба, 1902. Вып. 1. 91 с.

Труды съезда деятелей по молочному хозяйству и скотоводству в г. Омске в 1904 г. Омск: Тип. "Иртыш", 1906. 168 с.

Шенк Ф.Б. Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. М.: НЛЮ, 2016. 584 с.

De Windt H. Siberia as it is. London, 1892. 504 p.

Frazer J.F. The real Siberia together with an account of Dash though Manchuria. London, 1904. 380 p.

Marks, S.G. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. London: Tauris, 1991. 240 p.

References

Bobrov, I. M. Traktory i primeneniye ikh v nekotorykh khozyaystvakh Omskogo rayona [Tractors and their application in some farms of the Omsk region] // *Sel'skokhozyaystvennyy sbornik* [Agricultural collection]. Omsk, 1913, pp. 70-77. (in Russian).

Bogolepov, M. N. Torgovlya Sibiri [Trade Siberia] // *Sibir', yeye sovremennoye sostoyaniye i yeye nuzhdy* [Siberia, its current state and its needs]. St. Petersburg: Publ. A. F. Devriyena, 1908, pp. 169–200. (in Russian).

Brusnitsyn, A. F. Molochnoye skotovodstvo Sibiri [Dairy cattle breeding of Siberia]. Novosibirsk: Publ. Sibkrayizdat, 1930, 336 p.

Vitte, S.Y. Vsepoddannейshiy доклад upravlyayushchego Ministerstvom finansov o sposobakh sooruzheniya Velikogo Sibirskogo zheleznodorozhnogo puti i o naznachenii soveshchaniya dlya obsuzhdeniya sego dela. 6 noyabrya 1892 g. [The most comprehensive report of the Governor of the Ministry of Finance on the methods of building the Great Siberian Railway and the appointment of a meeting to discuss this matter. November 6, 1892] // Vitte S.Y. Sobraniye sochineniy i dokumental'nykh materialov [Collected works and documentary materials.]. Vol. 1., in. 2, pt. 1. Moscow, 2004, pp. 159-183. (in Russian).

Vnutrenneye obozreniye [Internal Review] // *Russkiy vestnik* [Russian Gazette]. 1888. № 9. (in Russian).

Gage, K., Tegner, G. Ob usloviyakh torgovogo snosheniya Yevropy s Zapadnoy Sibir'yu. (Sochineniye K. Gage i G. Tegnera, po perevodu s datskogo yazyka na nemetskiy R. Lemana) [On the conditions of trade relations between Europe and Western Siberia. (Composition of K. Gage and G. Tegner, on translation from Danish into German by R. Lehmann).]. Galle, 1881, 35 p.

Geshele, E. E. Ocherki razvitiya sibirskogo zemledeliya [Essays on the development of Siberian agriculture]. Omsk: Publ. Obl. kn. izd-vo, 1957, 107 p.

Gleyner, A. Sibir' – Amerika budushchego. Po sochineniyu Dzhona Fostera Frazera [Siberia - America of the Future. Composed by John Foster Frazer]. Kiyev: Publ. Petra Barskogo, 1906, 60 p.

Golovachev, P. M. Ekonomicheskaya geografiya Sibiri [Economic geography of Siberia]. Moscow: Publ. Tovarishchestva I. D. Sytina, 1914, 183 p.

Goryushkin, L.M. Sibirskoye krest'yanstvo na rubezhe dvukh vekov (konets XIX – nachalo XX) [The Siberian Peasantry at the Turn of Two Centuries (late XIX - early XX)]. Novosibirsk: Publ. Nauka. Sib. otd-niye, 1967, 412 p.

Zhenin, V. Tonkorunnoye ovtsevodstvo v Sibiri [Tonkorunnoe sheep farming in Siberia] // *Nuzhdy derevni* [Needs of the Village]. 1908, № 4, pp. 6–8. (in Russian).

Zhurnaly zasedaniy s"yezda deyateley sel'skogo khozyaystva 1–12 avgusta 1911 g. v g. Omske [Meeting logs of the congress of agricultural workers August 1-12, 1911 in the city of Omsk]. Omsk, 1912, 88 p.

Zemlya dlya konevodstva i skotovodstva v Aziatskoy Rossii [Land for horse breeding and cattle breeding in Asian Russia]. St. Petersburg, 1913, 459 p.

Zefirov, N. Krupnyye chastnovladel'cheskiye i arendatorskiye khozyaystva v Akmolinskoy oblasti [Large private and tenant farms in the Akmola region]. Omsk, 1914.

Zolotilov, K. Sibirskaya taiga [Siberian taiga] // *Russkiy vestnik* [Russian Bulletin.]. 1863. №.1. (in Russian).

Kiselev, A.G. O chertakh «pionerstva» sibirskogo predprinimatel'stva rubezha XIX – XX vekov [On the features of the "pioneering" of Siberian entrepreneurship at the turn of the XIX - XX centuries] // Aktual'nyye voprosy istoriko-kul'turnogo i prirodnogo naslediya Tarskogo Priirtysh'ya / materialy V nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati A.V. Vaganova [Actual questions of the historical, cultural and natural heritage of the Tara Irtysh region]. Tara, 2010, Vol. 2, pp. 31–34. (in Russian).

Krott, I.I. Sel'skokhozyaystvennoye predprinimatel'stvo Zapadnoy Sibiri v kontse XIX - nachale XX veka [Agricultural entrepreneurship in Western Siberia in the late XIX - early XX century]. Omsk: Publ. Izd. dom «Nauka», 2009. 204 p.

Krott, I.I. Formirovaniye sel'skokhozyaystvennogo predprinimatel'stva v Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv. [The formation of agricultural entrepreneurship in Western Siberia in the late XIX - early XX centuries] // Problemy ekonomicheskoy i sotsial'noy istorii Sibiri XVIII–XX vv. (Iz istorii predprinimatel'stva). Sbornik nauchnykh statey [Problems of the economic and social history of Siberia XVIII – XX centuries. (From the history of entrepreneurship). Collection of scientific articles]. Omsk: Publ: OmGPU, 2006, Vol. 6, pp. 99–118. (in Russian).

Makar'yeva, N.V. Formirovaniye obraza konflikta v traditsionnom mentalitete [Formation of the image of the conflict in the traditional mentality] // Sotsial'nyye konflikty v istorii Rossii. Materialy Vtoroy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. Omsk, 30 noyabrya 2006 g. [Social conflicts in the history of Russia. Materials of the Second All-Russian Scientific Conference. Omsk, November 30, 2006.]. Omsk: Publ: OmGPU, 2006, pp. 17-19. (in Russian).

Nevesov, A. Perelom [Perelom] // *Sel'skokhozyaystvennaya zhizn'* [Agricultural life]. Omsk, 1914, №2, pp. 4-8.

Obzor Akmolinskoy oblasti za 1905 god [Review of Akmola region for 1905]. Omsk, 1907, 71p.

Olan'on, Kl. Sibir' i yeye budushchnost' [Siberia and its future]. St. Petersburg: Publ: Prosveshcheniye, 1903. 253 p.

Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar' Akmolinskoy oblasti na 1912 g. [The memorial book and the address-calendar of the Akmola region for 1912]. Omsk: Publ: Akmolin. obl. stat. kom., 1912, 146 p.

Rabinovich, G. KH. Krupnaya burzhuaziya i monopolisticheskiy kapital v ekonomike Sibiri kontsa XIX - nachala XX vv. [The big bourgeoisie and monopoly capital in the economy of Siberia in the late XIX - early XX centuries]. Tomsk: Publ: Tom. un-ta, 1975, 328 p.

Rodigina, N.N. «Drugaya Rossiya»: obraz Sibiri v russkoy zhurnal'noy presse vtoroy poloviny XIX - nachala XX veka [“Other Russia”: the image of Siberia in the Russian journalist press of the second half of the XIX - early XX century]. Novosibirsk: Publ.: NGPU, 2006, 343 p.

Sbornik statistiko-ekonomicheskikh svedeniy po sel'skomu khozyaystvu Rossii i nekotorykh inostrannykh gosudarstv. God shestoy [Collection of statistical and economic data on agriculture in Russia and some foreign countries. Sixth year]. St. Petersburg, 1913, 601p.

Sbornik statistiko-ekonomicheskikh svedeniy po sel'skomu khozyaystvu Rossii i nekotorykh inostrannykh gosudarstv. God desyatyy [Collection of statistical and economic data on agriculture in Russia and some foreign countries. Tenth year.]. St. Petersburg, 1917, 674 p.

Sel'skoye khozyaystvo Rossii v XX veke: sb. statistiko-ekonomicheskikh svedeniy za 1901–1922 gg. [Agriculture of Russia in the twentieth century: Stat. statistical and economic data for the years 1901-1922.] / pod red. N. P. Oganovskogo. Moscow: Novaya derevnya, 1923, 340 p.

Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya [Siberian Soviet Encyclopedia]. Novosibirsk, 1937, Vol. IV, 1082 p.

Sibirskiy torgovo-promyshlennyy yezhegodnik. 1914–1915 gg. [Siberian Trade and Industry Yearbook]. St. Petersburg, 1915, 1597 p.

Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii [Siberia as part of the Russian Empire]. Moscow: Publ: NLO, 2007, 368 p.

Spisok chastnykh konnykh zavodov v Rossii [List of private studs in Russia.]. St. Petersburg: Publ: YU.YA. Rimana , 1904, 1279 p.

Troshin I. P. Istoriya razvitiya skotovodstva Zapadnoy Sibiri: trudy [The history of the development of cattle breeding in Western Siberia: works]. Novosibirsk, 1969, Vol. 35, 208 p.

Trudy Omskogo Otdela Imperatorskogo Moskovskogo Obshchestva Sel'skogo Khozyaystva [Proceedings of the Omsk Department of the Imperial Moscow Society of Agriculture]. Omsk: Publ: Okr. Shtaba, 1902. Vol. 1. 91 p.

Trudy s"yezda deyateley po molochnomu khozyaystvu i skotovodstvu v g. Omske v 1904 g. [Proceedings of the congress figures on dairy farming and cattle breeding in the city of Omsk in 1904.]. Omsk: Publ. "Irtysh", 1906. 168 p.

Shenk, F.B. Poyezd v sovremennost'. Mobil'nost' i sotsial'noye prostranstvo Rossii v vek zheleznnykh dorog [Train to the present. Mobility and social space of Russia in the age of railways]. Moscow: NLO, 2016, 584 p.

De Windt, H. Siberia as it is. London, 1892. 504 p.

Frazer, J.F. The real Siberia together with an account of Dash though Manchuria. London, 1904. 380 p.

Marks, S.G. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. London: Tauris, 1991. 240 p.